

Иштван Хан

АППИАН И АЛЕКСАНДРИЯ

«О н родом египтянин», — сказал об Аппиане Маркс в том своем досто-
примечательном письме, в котором меткими словами охарактеризо-
вал метод и взгляды александрийского историка¹. Да и сам писа-
тель охотно, более того, не без хвастовства, подчеркивал свое египетское,
точнее, александрийское происхождение. «Я Аппиан Александрийский, —
так он представляет себя в конце „Введения“, — кто на родине своей выдви-
нулся в число первых» (Prooim., 15, 62). Здесь заслуживает внимания уже
то, что Аппиан, хотя и подчеркивает, что получил от императоров ранг
эпитрона (который, по-видимому, дал ему права римского гражданства)²,
употребляет лишь *сoгномeн* своего имени, избегая *gentilicium*'а, подобно,
между прочим, Плутарху и Лукиану, и в отличие от таких авторов, как
Элий Аристид, Кассий Дион, Флавий Иосиф, которые, упот-
ребляя *gentilicium*, выражали тем самым гордость своим правом пользова-
ния римским гражданством и — косвенно — свою лояльность к Империи³.
Зная общую настроенность упомянутых писателей по отношению к Рим-
ской империи, мы не можем считать отмеченные расхождения в употребле-
нии имен чисто поверхностными.

Аппиан, конечно, и по-другому, еще более недвусмысленно, подчерки-
вал свое египетско-греческое происхождение и свою гордость этим проис-
хождением. Египетское царство Птолемеев он считает самым могуществен-
ным и богатым среди государств — потомков Македонской державы. Его
былым могуществом и прочной самостоятельностью он горд и по сей день,
а его падением огорчен и сейчас. Вероятно, этим египетским, точнее алек-
сандрийским, патриотизмом, который был гораздо глубже, чем обычный
местный патриотизм, объясняется и то, что в своем труде Аппиан непропор-
ционально много места уделяет истории своей родины. Все эти обстоятель-
ства исследователи обычно оценивают как признак «египетского» или в
более широком смысле «восточного» патриотизма Аппиана⁴. Но имеющие-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 30 стр. 125 (письмо Маркса к Энгельсу от 27 февраля 1861 г.); см. также: Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 312; Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1950, стр. 29, 53.

² О прокураторском ранге Аппиана см. Н. G. Pflaum, Les procurateurs équestres sous le Haut-Empire Romain, P., 1950, стр. 200—205.

³ Об отношении греческих авторов к Римской империи, см. J. Palm, Rom, Römertum und Imperium in der griechischen Literatur der Kaiserzeit, «Acta Reg. Soc. hum. litt. Lundensia», XVII (1959), стр. 30 и сл. (Плутарх); стр. 44 сл. (Лукиан); стр. 55 сл. (Элий Аристид); стр. 81 сл. (Кассий Дион). Автор заметно склоняется к пере-
оценке симпатий — главным образом Плутарха и Лукиана — к Риму. Ср. из рецензий, главным образом: E. Gamba, «Rivista Storica Italiana», 1961, стр. 567 сл.; H. J. Oliver, «Gnomon», 1960, 501 сл.

⁴ E. Gamba, Appiano e la storia delle Guerre Civili. Firenze, 1956, стр. 210, прим. 1, 2; стр. 220.

ся исследования не пошли дальше признания этого явления. Аппиана изображают приверженцем и пропагандистом Римской империи с ее классовыми отношениями, пропагандистом императорской власти и официального «имперского» патриотизма. Более того, буржуазная наука готова отказать нашему автору в любых индивидуальных общественных взглядах, которые не были бы почерпнуты им из его источников⁵. Бесспорно, что Аппиан по сути дела и в общих чертах считал как Римскую империю, так и государственную систему принципата правильными, необходимыми и благодатными для подданных. Об этом свидетельствует не одно его кажущееся откровенным высказывание. Эти черты политических взглядов Аппиана подчеркивает и марксистское исследование⁶. Но за завесой «римского» патриотизма нет-нет да и проступает его преданность родине — эллинистическому Египту, — а в ее рамках преданность Александрии, и это придает своеобразную окраску его взглядам, касающимся римской истории, более того, его отношению к Империи.

И это не исключительное явление для гражданина-александрийца, к тому же аристократа по происхождению. Среди александрийцев очень немногим удалось достичь высших кругов имперской администрации. В большом обобщающем труде Х. Г. Пфлаума в I—III вв. н. э. из 265 имевших прокураторский ранг личностей, данные о происхождении которых известны, мы находим всего четверых египтян (александрийцев)⁷. Таким образом, для александрийца ранг прокуратора был немалым отличием, и Аппиан, как известно, с трудом и лишь в пожилом возрасте достиг его⁸. Казалось бы, получив такое отличие, человек своей возрастающей лояльностью должен был выразить благодарность за оказанное ему доверие. На деле, однако, не один прокуратор-египтянин (или человек еще более высокого ранга) представлял (и часто очень настоятельно!) скорее интересы Александрии при императорском дворе, нежели интересы Римской империи в провинциальной столице. Хороший пример поведению дает Дионисий *ὁ ἐν πόλει ἐπιτροπῆς ὑενομενος*, чей дед, по-видимому, был уже римским всадником (Г. Юлий Дионисий), и кто все-таки привел к Траяну делегацию, настроенную против императора⁹. Руководителями другой александрийской делегации, чрезвычайно агрессивно настроенной против

⁵ Ср., например, Ed. S c h w a r t z, Appianus, в его кн. «Griechische Geschichtsschreiber», Lpz., 1957, стр. 363 и passim; A. R o s e n b e r g, Einleitung, und Quellenskunde zur römischen Geschichte, В., 1924; стр. 203 сл.; G a b b a, Appiano..., стр. 3 сл., стр. 209—228; P a l m, ук. соч., стр. 75; P. J a l, Pax civilis — concordia, REL, 1961, стр. 210 сл.

⁶ А п п и а н, Гражданские войны, пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера, ИГАИМК, вып. 129, Л., 1935, стр. 9.

⁷ P f l a u m, Les procurateurs équestres, стр. 174, 178, 184, 193 (Tib. Julius Alexander, Dionysius, Ser. Sulpicius Serenus, Claudius Alexander); ср. Н. G. P f l a u m, Les carrières procuratoriennes, P., 1960—1961, № 17, 46 bis 104. Аппиан, поскольку его cursus honorum неизвестен, не упоминается среди анализируемых карьер.

⁸ Ср. рекомендательное письмо Корнелия Фронтон к Антонию Пию (F r o n t o, ed. C. R. Haines, Loeb Cl. Libr. 1, 262 с). Текст с комментариями см. в кн. P f l a u m, Les procurateurs équestres, стр. 200—205; G a b b a, Appiano; I. H a h n, Appianos, (в кн. A p p i a n o s, A Római polgárháborúk, I, Budapest, 1967, стр. 6—8).

⁹ О личности этого Дионисия см. P I R², III (D, 103), стр. 25 (статья А. Штейна). А. Штейн, однако, без основания ставит под сомнение его тождество с Дионисием, упомянутым в Р. Оху., X, 1242 (=Н. M u s u r i l l o, Acta Alexandrinorum maritimum VIII, стр. 32); тождество «Дионисия Александрийца», упомянутого в энциклопедии Суды (ed. A. Adler, II, 109) и бывшего начальником канцелярии ab epistulis a bibliothecis et responsis, с Дионисием, упомянутым в папирусе, вновь принимает P f l a u m (P f l a u m, Les procurateurs... I, стр. 111, № 46). Это подтверждается и тем, что Дионисий, грамматик и прокуратор, был учеником александрийца Хайремона, который опять-таки являлся представителем своеобразной александрийской идеологии и также представлял интересы своего города в Риме (см. о нем: F. J a s o b u, FGH, III С, № 618).!

Коммода, был Аппиан (тезка историка и, вероятно, его родственник¹⁰) и Гелиодор, в котором мы можем небезосновательно предполагать сына Авидия Кассия, подавившего восстание буколов, а впоследствии выступившего самозванным императором¹¹.

Таким образом, эта более или менее открытая «оппозиционная» Римской империи настроенность характерна даже для людей из александрийского высшего слоя, сделавших политическую карьеру. Итак, мы с полным правом можем предполагать и в связи с нашим автором, что на содержащиеся в труде Аппиана общие описания и оценки исторических деятелей и событий в какой-то степени влияло его александрийское происхождение и обусловленное им общественное положение и сознание. Наше положение было бы легче, если бы не пропали четыре книги *Aiγyπτιακά*¹². Тем не менее мы имеем возможность попытаться прийти к определенным выводам касательно общественно-политических взглядов нашего автора, вернее их компонентов, основываясь на разбросанных там и сям намеках, брошенных вскользь замечаниях, стилистических оборотах, встречающихся в остальных книгах его труда.

Аппиан был отпрыском александрийской аристократии (*ἐξ τὰ πρῶτα ἤκων ἐν τῇ πατρίδι* — Proöm., 15, 62). Он получил воспитание у александрийских риторов, вырос в атмосфере местных традиций города и, вероятно, первые свои исследования провел в местной библиотеке Музея. Употребляя выражение «александрийская аристократия», мы считаем местную и общественную принадлежность, происхождение и общественное положение неотделимыми друг от друга. В политической идеологии этой местной аристократии обостряются своеобразные противоречия: с одной стороны, гордость своим историческим прошлым, восходящим к Александру Великому, с другой, — понимание преимуществ и безопасности рах Романа; более или менее открытая неприязнь по отношению к нынешним захватчикам, а вместе с тем умаление роли местного населения и демоса своего города — и в то же время сознание общих с ним интересов; гордость и негодование, демонстративная лояльность и коварное сопротивление¹³.

Политическое содержание этого настроения в идеологии всего яснее выражает собрание брошюр, объединенных под названием *Acta Alexandrinorum martyrum*¹⁴. Значение этой распространенной во многих местах памфлетной литературы, облаченной в фиктивную форму римских судебных протоколов, безымянные авторы которой вышли из вожakov александрий-

¹⁰ Родство двух Аппианов считал возможным, ссылаясь на Моммсена, А. Премштейн (A. Premerstein, Zu den sogenannten Alexandrinischen Märtyrerakten, «Philologus», Suppl. XVI, 2, 1923, стр. 29). Кстати, фамильное имя Аппиан встречается довольно редко (ср. I. Kajanto, The Latin Cognomina, «Soc. sc. Fennica, comm. hum. litt.», XXVI, 2, Helsinki, 1965, стр. 173, s. v. Appianus) и главным образом в Египте (ср. M. Rostowzew, Gesellschaft und Wirtschaft..., II, стр. 367, прим. 44; H. Preisigke, Namenbuch..., s. v. Appianos).

¹¹ О деде Гелиодора, имевшем такое же имя ср. PIR³, I (A, 1405); упомянутый в ААМ, XI, В, col. 1, стр. 7 и сл. Гелиодор, по-видимому, тождествен звуку этого Авидия Гелиодора. Ср. Pflaum, Les carrières procuratoriennes... I, стр. 251, № 106.

¹² Об этом ср. T. J. Luce, Appian's Egyptian History, «Class. Phil.», 1964, стр. 259—262.

¹³ Достаточно сослаться на тот известный факт, что даже по имени (Alexandria ad Aegyptum) город не был тесно связан с Египтом.

¹⁴ Acta Alexandrinorum. De mortibus Alexandriae nobilium, ed. H. Musurillo, Lpz, Teubner, 1961; более раннее издание с комментариями того же автора: The Acts of the Pagan Martyrs. Acta Alexandrinorum, Oxford, 1954. На основную литературу указывают теибнеровское издание и Tschirikover — Fuk's, Corpus Papyrorum Judaicarum, II, Cambridge, 1960, № 154—159, стр. 55 и сл.; новейшая литература: R. MacMillen, Enemies of Roman Order, Harvard Univ. Press, 1966, стр. 84—91; он же, Nationalism in Roman Egypt, «Aegyptus», 1964, 179 сл. R. Loewe, A Jewish Counterpart to the Acts of the Alexandrians, «Journal of Jewish Studies», 1961, стр. 105—122.

ских риторических школ, гимнасиархов и руководителей коллегий, состоит для нас в том, что в ней в популярной формулировке и с соответствующей остротой выражены политические взгляды того общественного слоя, к которому по происхождению принадлежал и наш автор. Центральные темы и мысли этой пропагандистской литературы можно в общих чертах сформулировать следующим образом.

1. Славное прошлое Александрии, ее величие в былом и бесправие в настоящем.

2. Утверждение греческого (следовательно, неварварского) характера Александрии.

3. Восхваление птолемеевского государства и обостренное ощущение потерянной самостоятельности.

4. Пристрастное отношение, даже предвзятость и ненависть к негрекам, восточным варварам, и в первую очередь к александрийским евреям.

5. Критическое или даже враждебное отношение к Римской империи: а) критика римского завоевания, б) критика императорской власти и отдельных императоров, в) разоблачение злоупотреблений римской администрации.

Анализируя «александрийские» элементы политической идеологии Аппиана, мы начнем с вопроса о том, насколько вскрывают некоторые мотивы *Acta Alexandrinorum martyrum* (далее — ААМ) исторический облик нашего автора и его отношение к Римской империи.

1. Египетское население и особенно граждане Александрии пользовались в литературе эпохи императоров дурной репутацией. О бунтовщическом, беспокойном и несерьезном характере этого населения говорят в один голос авторы, начиная с современников Августа и вплоть до SHA¹⁵, и в форме гораздо более острой, по сравнению с высказываниями о населении в форме гораздо более острой, по сравнению с высказываниями о населении других восточноллинистических городов вообще. Если все эти осуждающие высказывания исполненных достоинства римлян мы и оценим в какой-то мере как выражение пренебрежительного отношения к изнеженным, легкомысленным грекам Востока и частично как сплошное общее место, то нам все же бросается в глаза такое же отношение к александрийцам даже греческих авторов. Уже Полибий¹⁶ не был хорошего мнения о пестром анархичном населении Александрии. Дион Хрисостом нагромождает, можно сказать, бранные выражения: жители города — люди, «отчаянные и заносчивые», их характерные черты: «недисциплинированность, буйство, неносчивые», их характерные черты: «недисциплинированность, а резюмируя все дружелюбие, ехидство, безрассудство и легкомыслие», а резюмируя все это, ритор говорит в глаза жителям города: «Вы проводите всю свою жизнь в играх и в несерьезности, вас никогда не покидает игривость, влечение к наслаждениям и смех, ведь вы и сами смешны...»¹⁷.

Пропаганда александрийских ригоров сознательно повернулась против такого неуважения. В их глазах Александрия — это «наш город с большим

¹⁵ Недоброжелательные высказывания античных авторов о египтянах и главным образом об александрийцах собраны в кн.: Th. Mommsen, *Römische Geschichte*, V, стр. 584; L. Friedländer, *Sittengeschichte Roms*⁹, I, 1919, стр. 38 сл. и относящиеся сюда сноски; I. Bacher, *Das Bild der Kleopatra in der griechischen und lateinischen Literatur*, В., 1966, стр. 11; перечисленные здесь данные можно, однако, значительно дополнить: ср. Dio Chrys., *Or.* 32 ad Alexandrinos, §§ 1—2, 7—10, 25—27, 31, 37—38, 73—75, 81, 95—96; Iuv. XV, 63 сл.; SHA, *Quadr. tyr.* 7, 4 сл.; там же 8 (*Epistula Hadriani*); SHA, *Tyr. trig.* 22; Cass. Dio, XLII, 34, 2; Herodian., IV, 8, 7; Theodoretus Cyrrus, *Ep.* 20.

¹⁶ Одобрительно цитирован Страбоном (*Geogr.*, XVII, 1, 12, 797).
¹⁷ *Or.*, 32, 28; *φραστικὸς καὶ ὑπερήφανος*; *ibid.*, 73: *ἀταξία, μανία, κακία καὶ ἄνοια*; ср. SHA, *Quadr. tyr.*, 7, 4: *Aegyptii... ventosi furibundi, iactantes, iniuriosi atque... vani etc.*; *Tyr. trig.* 22, 1: *Aegyptii... furiosi ac dementes... familiari sibi furore... etc.* *Ἀμανία* = *furor* как характерная черта жителей Египта, следовательно, становится общим местом в литературе.

именем»¹⁸, «город большой известности»¹⁹ и т. д. Когда представитель Александрии во время своего судебного процесса называет Коммода «вожаком грабителей», а император предупреждает его о том, что «и у нас в привычке образумлять бесноватых и безрассудных» (давая этим, по всей вероятности, литературную сноску на вошедшие в поговорку «бесноватость» и «безрассудство» александрийцев), ритор громогласно указывает на славное прошлое представленного им города: «Не беснуюсь я ..., я только поднимаю голос за свое собственное благородное происхождение и благородное происхождение моих соотечественников»²⁰. Такая же апологетическая хвалебная тенденция звучит и у позднеантичных романистов египетского происхождения²¹.

Аппиан — историограф, он защищает родной город не такими открытиями и программными заявлениями и все же совершенно недвусмысленно. Цезарь, прибывший по следам Помпея в Александрию, хотел притворством завоевать популярность среди населения, для чего «обходя город восхищался его красотами и, смешавшись с толпой, слушал лекции философов»²². Таким образом, Александрия — это не город мимов и легкомысленных удовольствий, а город философов, где даже толпа страстно интересуется философией²³, — такую характеристику Александрии дает наш автор в прямом противоречии, например, с Плутарховой биографией Цезаря (Plut., Caes. 48, 3).

2. Эта тенденция еще более остро звучит в описании александрийской зимовки 41/40 г. до н. э. и афинской зимовки 40/39 г. Антония. Стоит дословно процитировать оба описания: ВС, V, 11, 43: «Антоний остался там (т. е. в Александрии. — И. Х.) на зиму, проживая без отличительных знаков власти, держа себя и ведя образ жизни частного человека, потому ли, что он находился в чужом государстве, и в царской резиденции... он отложился... в сторону все заботы, перестал думать об обязанностях верховного правителя, носил эллинскую четырехугольную столу вместо римской тоги, белые аттические сандалии, какие носят афинские и александрийские жрецы и которые называются *фкасиями*. Выходил из дому Антоний только в храмы и гимнасии или для беседы с учеными. Время он проводил с греками и Клеопатрой...»²⁴. ВС, V, 76, 322 сл.: «Дав такие распоряжения, Антоний провел зиму в Афинах вместе с Октавией так же, как перед тем в Александрии с Клеопатрой...; из вождя он превратился опять в частного человека, носил четырехугольную греческую одежду, аттическую обувь... Ходил без несения перед ним знаков его достоинства, а лишь с двумя друзьями и двумя рабами, беседовал с учителями, слушал лекции. И обед у Антония был греческий; с греками он занимался гимнастическими упражне-

¹⁸ ААМ, IX (Acta Pauli et Antonini), VI, 17: ἡ εὐπροσώπωνος ἡμῶν πόλις.

¹⁹ ААМ, IV (Acta Isidori) A, III, 10: ἡ διάσημος πόλις.

²⁰ ААМ XI (Acta Appiani) B, I, 13: ἡ γλυκυτάτη πατρίς... там же, IV, 7 сл.: <εἰδώμεν καὶ ἡμεῖς μαινομένους καὶ ἀπονενοημένους σωφρονίζειν... οὕτως αἰνοῦμεν οὐτὲ ἀπονενοημένοι, ἀλλ' ὑπὲρ τῆς ἑαυτοῦ εὐγενείας καὶ τῶν ἐμῶν προσήκόντων ἀπαγγέλλω...>

²¹ Ср. Achilles Tatius, V, 1—2; Heliodorus, Aethiopia, I, 21; ко всему этому см.: H. Musurillo, Acts of Pagan Martyrs, Oxford, 1954, ad Acta App., B, IV, 12.

²² ВС, II, 89, 376: καὶ τὴν πόλιν περιῶν τοῦ κάλλους ἐθαύμαζε καὶ τῶν φιλοσόφων μετὰ τοῦ πλῆθους ἐστῶς ἤχροῦτο...

²³ Источники о пребывании Цезаря в Александрии см. D r u m a n n - G r o e b e; Geschichte Roms³, III, стр. 492, прим. 9; J. Carcopino, Histoire Romaine⁴, II, 918 k.

²⁴ ВС, V, 11, 43: καὶ ὁ μὲν ἐχειμαζεν ἐνταῦθα, ἄνευ σημείων ἡγεμονίας, ἰδιώτου σχῆμα καὶ βίον ἔχων... καὶ στολὴν εἶχε τετράγωνον Ἑλληνικὴν ἀντὶ τῆς πατρίδος καὶ ὀπίσθημα ἦν αὐτῷ λευκὸν Ἀττικόν... ἐξουσίαι τε ἦσαν αὐτῷ ἐς ἱερά ἢ γυμνάσια ἢ φιλολόγων διατριβὰς κτλ.

ниями; празднества и развлечения он делил с Октавией. Сильна была его страсть и к Октавии...»²⁵.

К каким же умозаключениям приводит читателя этот поразительный и сознательный, более того, подчеркнутый параллелизм, который достигает степени почти дословного совпадения? Во-первых, Александрия — город греческий, а не «варварский», настолько же эллинский, как и сами Афины. В общество царицы входят только эллины, одежда жрецов такая же, как и у греков, характерные достопримечательности и развлечения города — святилища, гимнасии, лекции ученых и философов — такие же, как и в Афинах; пребывание Антония в Александрии, следовательно, так же не деморализовало его, как не имело такого последствия его позднейшее пребывание в Афинах, после чего он сразу энергично приступил к своей парфянской экспедиции; его связь с Клеопатрой, следовательно, не толкала его в «низкий» мир, ведь в Афинах в обществе своей римской законной жены Октавии он провел свое время так же, как прежде в обществе Клеопатры.

Все это заслуживает внимания еще и потому, что александрийская пропаганда любила подчеркивать не только «греческий» характер города, но и тесную его связь именно с Афинами²⁶, которая равно проявлялась в обычаях, в духовных и политических интересах и в образе жизни. Ту же самую мысль, но направляя ее острие против александрийцев, проводит Дион Хрисостом: жители города переняли у Афин только ошибки²⁷! Аппиан и здесь проявляет себя пропагандистом александрийской идеологии. Его направленность еще более поразительна, если сравнить его текст с Плутарховой биографией Антония, с которой Аппиан несомненно был знаком и которую непосредственно использовал²⁸. Наиболее характерно данное Плутархом описание афинских месяцев: ... ἐγυμνασιάρχει δὲ Ἀθηναίους, καὶ τῆς ἡγεμονίας παράστημα καταλιπὼν οἴκοι μετὰ τῶν γυμνασιαρχικῶν βάζβδων ἐν ἱματίῳ καὶ φαίκασίους προΐησι. Легко заметить почти дословное совпадение этого предложения с текстом Аппиана. Таким образом, наш автор описание афинского пребывания Антония почерпнул из одного с Плутархом источника или, — что еще более вероятно, — взял его у самого Плутарха. В то же время Кассий Дион, восходящий к ливианской

²⁵ BC, V, 76, 322 сл.: ἐχειμαζεν ἐν ταῖς Ἀθήναις... ἀφέλειαν δὲ ἰδιωτικὴν αὐθις ἐξ ἡγεμονίας καὶ σχῆμα τετραγώνον ἔγων καὶ ὑπόδημα Ἀττικόν... ἔξοδοί τε ἦσαν ὁμοίως ἀνευ σημείων αὐτῶν... ἐς διδασκάλων διατριβὰς ἢ ἀκροάσεις κτλ.

²⁶ H. I. Bell, The Acta of the Alexandrines, JJP, 1950, стр. 39; ср. AAM, X (Acta Athenodori), frg. I, 12 сл.

²⁷ Dio Chrys., Or. 32, 3—4: Νῦν μὲν γὰρ ἀμαρτάνεις τὸ Ἀθηναίων ποτὲ ἀμάρτημα.

²⁸ Взаимосвязь текстов Аппиана и Плутарха общеизвестна, на это впервые обращено внимание в работе: M. W i j n n e, De fide et auctoritate Appiani, Groningen, 1855; более подробно пишет об этом Э. Корнеман (E. K o r n e m a n n, Die historische Schriftstellerei des C. Asinius Pollio, zugleich ein Beitrag der Quellenforschung über Appian und Plutarch, «Jbb. für class. Phil.», XXII, Suppl. 7, Heft 2, 1896); общие мотивы обоих авторов разработал, не придя, однако, к окончательным выводам Л. Пиотрович (L. P i o t r o w i c z, Plutarchi Appian, Krakow, 1924). Непосредственное знакомство Аппиана с биографиями Плутарха предполагает Э. Габба (G a b b a, Appiano, стр. 227 сл.; о н ж е, Sul libro Siriaco di Appiano, «Rendiconti... Acc. dei. Lincei, Classe di scienze morali», Ser. 8, Vol. XII, 1957, стр. 339 сл.). Приведу некоторые поразительные совпадения, указывающие на особенно тесную связь текста Аппиана с биографией Антония, на основании которых можно предполагать непосредственное знакомство автора с этой биографией:

P l u t., Ant., 24, 6: ἐνῆν γὰρ ἀπλότης τῷ ἦθει...
 A p p., BC, V, 136, 566: ὦν γὰρ καὶ τὰ ἄλλα... τὸ φρόνημα ἀπλοῦς...
 P l u t., Ant., 25, 1: ἀλίσχεταί τοῦτον τὸν τρόπον.
 A p p., Ant., 28, 1: ...μειρακίου σχολὴν ἀγροντος...
 A p p., BC, V, 8, 33: ...μειρακιωδῶς ἐάλωκε...

традиции, подчеркивает моменты, совершенно расходящиеся с этими сообщениями и неблагоприятные для Антония²⁹. Тем более поразительным кажется коренное расхождение между двумя описаниями александрийской зимовки. Плутарх в описании тамошнего разгула Антония дает отголосок представлений, ставших уже общим местом, и дополняет эти данные личными воспоминаниями косвенного очевидца — друга его дяди³⁰. Мы можем даже поймать нашего автора на том, как он изменил по существу достоверные данные находившегося в его распоряжении источника, чтобы восхвалить своего героя и свой город — Александрию: ему надо было только перед Плутарховым *διατριβή* поставить родительный падеж *φιλολόγων* и уже низменное игривое развлечение, имеющее характер *παίδια*, превратилось в филологическую лекцию, достойную брата-города Афин. «Патриотическая» тенденция писателя-александрийца говорит здесь сама за себя.

3. Эта сильная, александрийская по своему характеру тенденциозность, которую мы стремились выявить анализом текста, делает понятным фон других формулировок, сообщений и выражений, которые сами по себе кажутся лишь странными. С нескрываемой антипатией, например, говорит наш автор о триумфе Цезаря над Египтом, триумфе, который он считает лишенным основания. Аппиан иронически с помощью ловкого стилистического оборота преуменьшает значение этого триумфа и упоминает его, нарушив хронологический порядок, последним из четырех, следовавших друг за другом (II, 101, 418): «На основании битвы при Ниле он провел какой-то триумф (*τινα... θρίαμβον*)»³¹; Аппиан считает незаконным также захват Кипра у Птолемеев и с целью усиления трагического впечатления сочиняет рассказ о самоубийстве последнего кипрского царя, украшая его драматическими подробностями³².

Наш автор горд не только эллинистической культурой Александрии, но и величием всей державы Птолемеев, ее относительной прочностью. Еще Антоний ясно сознавал, что Александрия для него «царская столица чужой империи» (V, 11, 43), — следовательно, еще в 41 году до н. э. римский триумвир уважал независимость птолемеевского государства. Двумя десятилетиями раньше Помпей не напал на Египет, «потому что, может быть, боялся величия находящейся в достатке империи» или же, как это тоже возможно, ему помешало какое-то запрещающее гадание³³.

²⁹ Cass Dio, XLVIII, 39, 1—2: Ἀντώνιος... ἐς τὴν Ἑλλάδα ἐπανελθὼν... τὰς τε ἐπιθουρίας ἅρα ἀποτιμῆλας καὶ τὰς πόλεις κακῶν... ср. XLVIII, 24, 2 (пребывание Антония в Александрии). Оба описания, следуя ливванской традиции, представляют Антония в невыгодном свете.

³⁰ Plut., Ant. 28, 1: διατριβαῖς καὶ παιδιαῖς χρομένον... (ср. Dio Chrys., Or. 32, 1). Достоверность плутарховского варианта подтверждает надпись: Ditteneberger, OGIS, № 195, ср.: Vescher, ук. соч. стр. 72.

³¹ Ср. Plut., Caesar, 55, 1 — он египетский триумф ставит на первое место; точный хронологический порядок — Liv., per. 115 и (по Ливию) Cass. Dio, XLVIII, 19, 1.

³² Appr., BC, II, 23, 86. Аналогичные примеры: BC, I, 48, 209 сл.; 94, 439 сл.; II, 64, 269; IV, 25, 102; V, 49, 204.

³³ Относительно гадания, запрещающего захват Египта в связи с попыткой завоевания А. Габиния (55 г. до н. э.), ср. Appr., BC, II, 24, 90; V, 8, 33; Syr., 51, 258. Достоверность гадания Сивиллы, точнее тот факт, что сенат, ссылаясь также и на него, предал суду Габиния, по сути дела подтверждает и современник Цицерон (Ad fam., I, 7, 4: ut rex Ptolemaeus... sine multitudine reductatur, quemadmodum homines religiosi Sibyllae placere dixerunt; ср. Cic., Phil., II, 48). Аппиан, однако, по меньшей мере неточен. В пророчестве Сивиллы говорилось, по-видимому, что-то о том, что царя нельзя было насильственно посадить на престол (вообще!). Наш автор, однако, видит здесь запрет войны против Египта и, обобщая этот религиозный характер запрет, делает его действительным и для эпохи Суллы. Только при условии сохранения книг «Египтики» мы смогли бы ответить на вопрос, как Аппиан совместил завоевание Августом Египта с этим своим воззрением.

Сулла ради своей выгоды посадил на шею египетскому народу Птолемея Александра XI (80 г. до н. э.), но александрийский народ после девятнадцатидневного только владычества этого царя поднялся против него и убил его: «Так мало боялись они внешнего господства, ибо верили еще в величие своего царства и еще не испробовали бедствий чужого господства» (I, 102, 476—477). Стало быть, Аппиан стоял на стороне александрийского демоса и считал его выступления против деспота-царя законными в противоположность оценке античной традиции. Дион Хрисостом, например, именно в этих событиях видел доказательство того, что жители Александрии «непригодны даже быть подданными» (ὄμεις δὲ οὐδὲ ἀρχεσθαι καλῶς ἐπίστασθε), им необходима крепкая рука Рима, ведь они не смогли даже ужиться с собственными царями³⁴!

Тенденции прославления эпохи птолемеевского царства, в противовес периоду римского владычества, сказались и на Аппиановом изображении последнего отпрыска династии Птолемеев — на образе Клеопатры. Клеопатра, в первую очередь вследствие пропаганды Августа вошла в античную и современную историографию³⁵ как *fatale monstrum, incesti meretrix, regina saepori*, которая будучи *non humilis mulier*, олицетворяет все те варварские и восточные черты, какие Август не только по политическим причинам, но и с точки зрения своей общей концепции восстановления былой римской нравственности представил непримиримо, смертельно враждебными римскому образу жизни³⁶.

Это стремление, с одной стороны, преувеличивало фигуру египетской царицы и борьбу с ней до мифических размеров, а с другой стороны — раскраска и выдумка деталей, указывающих на личную жизнь царицы и на ее связь с Цезарем и Антонием, служили оправданием этой картины. Она — та, которая не только своим сознательным и хитроумным мастерством завлечения, но и любовными напитками, а также восточным волшебством поработила сначала Цезаря, а потом Антония³⁷. Первую свою встречу с Цезарем она хитроумно и намеренно подготовила³⁸, а ее встреча с Антонием в Тарсе тоже была удачным завершением заранее обдуманной и рассчитанной любовной стратегической операции: Антоний, мужчина прямого характера, стал лишь жертвой этой западни³⁹.

Александрийская пропаганда выступила против такого изображения и, как кажется, в отличие от римской версии стремилась показать Клеопатру скорее *жертвой* римских государственных деятелей. Об этом говорит один из фрагментов ААМ, который анализирует эти связи с александрийской

³⁴ Dio Chrys., Or. 32, 69—71, ср. Palm, ук. соч., стр. 24.

³⁵ Hor., Carm., I, 37, 21; Prop., III, 41, 39. Новое хорошее обобщение этого вопроса: Vescher, Das Bild der Kleopatra.

³⁶ Об этой черте августовской пропаганды см. P. Jal, La guerre civile a Rome, P., 1963, стр. 73—230 (глава «La propagande politique»), главным образом, стр. 152, 203; Vescher, ук. соч., стр. 43, сл.; она же, Oktavians Kampf gegen Antonius und seine Stellung zu den aegyptischen Göttern, «Das Altertum», 1965, стр. 40—47. Заслуживает внимания тот факт, что в отличие от августовской пропаганды, которая подчеркивала восточные, египетские черты личности Клеопатры (и ее богов), Аппиан последовательно представляет ее гречанкой, враждавшей только в «эллинистическом» обществе.

³⁷ Plut., Ant. 37, 5; 60, 4; Cass. Dio, L, 5, 3—4; 26, 5. Ср. H. Buchheim, Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius, «Abh. der Heidelberger Ak. d. Wiss.», Phil.-hist. Klasse, 1960, стр. 25; 103, прим. 51.

³⁸ Всех подробнее — Plut., Caes. 49, 1.

³⁹ Это обстоятельство или, скорее, подозрение последовательно подчеркивала августовская пропаганда, и приверженцы Антония (для его оправдания) это приняли. Ср. Cass. Dio, L, 26, 5 (из якобы произнесенной Октавием речи перед битвой при Акции именно в целях «оправдания» Антония): καὶ γὰρ τοῦτ' ἐγὼ ἀληθοῶς πιστεύω, Ακκίῳ ἰμῶν ἐκείνης τῆς καταράτου μεράχεται. Другие аналогии см: Buchheim, ук. соч., стр. 103; возникновение версии об обольщении Антония он относит ко времени после 34 года до н. э.

точки зрения: «Сначала Цезарь спас Клеопатру, принял под свое господство ее царство и, как говорят некоторые, взял займы...»⁴⁰. Здесь фрагмент обрывается, но и из сохранившейся части видно, что «александрийская» версия стремится перенести связь Цезаря с Клеопатрой на политическо-экономическую основу, и — поскольку цель всего контекста в том, чтобы лишить римского императора сознания его превосходства над побежденными египтянами (точнее, над эллинистической городской аристократией), — текст осуждает и римское завоевание⁴¹.

В выгодном свете рисует фигуру Клеопатры и стоящий очень близко к идеологии ААМ Апион Александрийский, против которого и в этой связи выступил Иосиф Флавий⁴².

Такое более выгодное и вместе с тем исторически более ценное⁴³ «александрийское» изображение Клеопатры отражается в некоторых сообщениях Аппиана. Их оценка, однако, затруднена тем, что наш автор, как и сам он подчеркивает (BC, II, 90, 379), более подробно обработал тот же исторический материал в своем труде «О Египте», по всей вероятности, в его четвертой книге. В «Гражданских войнах» он лишь несколькими намеками отмечает связь Клеопатры с Цезарем (там же), обходит молчанием посещение Рима царицей, не говорит и о Цезарионе. Поведение царицы в гражданской войне, описанное им, свидетельствует об ее верности, смелости, уме и политической проницательности; она успешно связывает защиту независимости Египта с верностью делу Цезаря и его партии (BC, IV, 63, 269); поэтому она не только отказала Кассию в поддержке, какую тот требовал, но и могла бы активно поддержать Долабеллу, если бы неблагоприятные обстоятельства не помешали ей⁴⁴. Ни словом не упоминает наш автор (хотя об этом в его источнике ему следовало бы найти очень сильно подкрашенное сообщение) о том, что встречу в Тарсе царица уже гораздо раньше хотела употребить для оболычения Антония; их разговор в изложении Аппиана носит чисто политический и корректный характер и опять-таки, в отличие от общего с Плутархом источника (вернее от самого Плутарха), — более того, в отличие от всей античной традиции, — проявляет инициативу не Клеопатра, а Антоний, который «был всегда очень страстным в таких делах» (BC, V, 8, 33) и который возгорелся любовью к царице не столько из-за ее красоты, сколько из-за ее ума⁴⁵.

Однако последовательно провести эту свою точку зрения на Клеопатру и Антония наш автор не смог. В дальнейшем изложении он уже без из-

⁴⁰ ААМ, XI (Acta Appiani) B, V, 11.

⁴¹ О том, что Цезарь и материально использовал помощь, оказанную Клеопатре, сообщает Cass. Dio, XLII, 9, 1; XLIV, 46, 1; ср. Plut., Caes. 48, 9.

⁴² Josephus, Contra Apionem, ed. A. Reinach, P., 1930, II, 56 (сохранилось только в латинской версии): [Apion] autem etiam ultimae Cleopatrae Alexandrinae reginae meminit et non potius illam redarguere studuit, vel circa maritos suos. Продолжительное перечисление Иосифом грехов Клеопатры, которое начинается с § 57, производит впечатление, что Апион в своем историческом труде не упоминал о них. Фрагменты Апиона публикует Якоби в FGH, III, № 616.

⁴³ Ср. В u c h h e i m, ук. соч., стр. 25. Он, соглашаясь с основной линией рассказов Аппиана, отрицает моральное и духовное падение Антония.

⁴⁴ Формулировка BC, IV, 61, 262 заставляет предполагать, что Клеопатра воспользовалась эпидемией и голодом только как поводом, чтобы не дать помощь Кассию; в другом месте (108, 456), однако, о голоде в Египте Аппиан упоминает как о факте, ср. В e s h e g, ук. соч., стр. 87.

⁴⁵ Плутарх (Ant., 27, 3) опять-таки подчеркивает образованность царицы, производя сильное впечатление на Антония. В качестве доказательства он ссылается на особые познания царицы в языках, на ее знакомство и с варварскими языками. Если Аппиан не упоминает об этом, то при иной тому служит, вероятно, его желание дать почувствовать исключительно эллинистическую образованность (и общество) царицы.

менений заимствует ту установку августовской пропаганды, согласно которой связь с Клеопатрой притупляла силу воли и нравственное чувство Антония (V, 9, 34). В доказательство этого в следующей главе он уже в осуждающем тоне перечисляет кровавые расправы с политическими врагами Клеопатры и сообщает о беспричинном нападении на Пальмиру. Именно поэтому ясно заметен тот стилистический и смысловой перелом в описании Аппиана, который резко отделяет главы 8—9 V книги его «Гражданских войн» от предыдущих и последующих. В этих двух главах его доброжелательный и беспристрастный тон сменяется недоброжелательным осуждением⁴⁶. Однако этот стилистический перелом нельзя объяснить простым переходом к другому источнику: ведь Аппиан, как мы пытались это выше показать, не пренебрегал в необходимых случаях даже тенденциозной переработкой источников. Кровавые действия Клеопатры в кругу ее родственников (членов царского дома Птолемея) не могли заслужить одобрение в труде историка, принимающего оценку александрийской аристократии⁴⁷. Противоречивые заявления нашего автора об Антонии и Клеопатре отражают скорее неустойчивую позицию писателя, нежели непоследовательность его в использовании источников. Однако и такого рода непоследовательности нередки именно у таких авторов, которые в некоторых вопросах не согласны с установившейся историографической традицией, но не могут еще дать продуманную и последовательную критику источников, отражающих концепцию, отличную от принятой ими⁴⁸.

В дальнейшем изложении наш автор уже забывает о том, что говорилось им об ослаблении энергии Антония, и, развертывая изложение событий до 35 г. до н. э., неоднократно высказывает все более и более растущее расположение к Антонию. Противопоставляя его Октавиану, он подчеркивает большую популярность и известность Антония в кругу войска (V, 14, 57), его благонамеренное и честное поведение (V, 66, 279; 79, 336); он опасается поставить ему в вину ту пассивность, которая обнаруживается как во время Перузинской войны, так и в период войны против Секста Помпея. Он остерегается также того, чтобы заклеить Антония или Клеопатру морально из-за их любовной связи. Это характеризуется и еще одним небольшим стилистическим штрихом, который освещает отношение Аппиана к общему с Плутархом источнику, точнее, его собственную интерпретацию этого источника:

Plut., Ant. 25, 1: Ἀντωνίου τελευταῖον καὶ ὁ Κλεοπάτρας ἔρωσι ἐπιγενομένους...

App., BC, V, 1, 2: ὁ δὲ ἔρωσι ὄδῃ αὐτοῖς τε ἐκείνοις ἐς ἔσχατον ἔληξε κακοῦ καὶ ἐς ὄλην Αἰγυπτῶν ἐπ' ἐκείνοις.

У Плутарха *κακόν* включает в себе понятие *морального падения*, у нашего автора то же слово вызывает именно благодаря тому, что оно соединено с судьбой Египта, ассоциативное представление о роковой трагедии, *несчастной судьбе*. Автор сочувствует тем, чья роковая участь переплелась с бедами Египта и именно в связи с этим он с едва скрываемой неприязнью обрисовывает их счастливого противника, который достиг своих удач только благодаря «страшно ловкому» распознаванию собственных интересов и простодушью противников и который в конце концов лишил Египет самостоятельности⁴⁹. Было бы слишком просто объяснять все эти тенденции лишь некритическим смешением разнохарактерных источников или только

⁴⁶ Этот перелом в описании Аппиана всех острее подчеркнул Бухгейм (В и с h e i m, ук. соч., стр. 103).

⁴⁷ Кассий Дион (LI, 5, 4) свидетельствует о том, что Клеопатра была в плохих отношениях с египетской аристократией.

⁴⁸ На подобные явления и противоречия именно у Аппиана и Флора указал В. ден Бур (W. den Boer, Florus und die römische Geschichte, «Mnemosyne», 1965, стр. 366—387, и особенно стр. 374 сл.).

⁴⁹ Ср. ко всему этому Н а h n, ук. соч., II, 544 сл.

констатировать (как это сделано в одной недавно вышедшей в свет работе, посвященной данной проблеме⁵⁰), что «эти разногласия объясняются тем, что Аппиан использовал, кроме источников, симпатизирующих Антонию, также и такие, которые содержали официальную версию Октавиана о порабощении Антония Клеопатрой». Эта формулировка чрезвычайно характерна для немецкой «критики источников» и для всего метода современного исследования труда Аппиана как исторического источника. Согласно этой точке зрения сочинения античного историка, и в частности нашего автора, не являются якобы ничем иным, как конгломератом различных по характеру источников⁵¹. Детальный разбор, проведенный нами, имеет своей целью доказать, что и у нашего автора были свои собственные, *индивидуальные*, вытекающие из его общественного положения взгляды, предубеждения, симпатии и антипатии и их он стремился выразить через различные (между прочим и стилистические) изменения используемых источников. Если ему не удалось сделать это безупречно, то причину тому следует искать скорее в незаконченности переработки первоначального материала, нежели в механическом соединении разнообразных по своему характеру источников.

4. Взгляды Аппиана, отражающие «александрийскую» идеологию, как мы это уже видели, выражают и разносторонние предвзятости того общественного слоя, к которому он относился сам. Одним из элементов построения александрийской аристократической идеологии была антипатия или даже ненависть эллинистического населения к негреческим, египетским, восточным народам, в особенности к евреям. Характернейшим примером этого является упрек Acta Isidori⁵² по отношению к евреям: «по восприятию они не такие, как александрийцы [т. е. греки], а подражают в образе жизни египтянам». Самую характерную литературную формулировку александрийского антисемитизма⁵³ мы находим, наряду с сочинениями некоторых авторов I в. (Апиона, Хайремона и др.)⁵⁴, именно в ранних частях ААМ, которые охватывают период до 20 годов II в. н. э. Подавление распространившегося из Кирены еврейского восстания 115—117 гг., которое привело к окончательному надлому политического положения еврейского населения Александрии⁵⁵, вывело евреев Александрии из рядов возможных конкурентов александрийских греков и этим как бы вырвало почву из-под ног антисемитизма, который основывался на имевшей ранее место экономической и политической конкуренции⁵⁶. Так, в более поздних частях ААМ (Acta Athenodori, Acta Appiani) полностью исчезает мотив пропаганды, который с таким экстремизмом и в такой грубой форме имеет еще место в подстрекательских прокламациях эпохи Траяна и Адриана⁵⁷.

Таким образом, ко времени написания произведений Аппиана старая

⁵⁰ В e s c h e r, ук. соч., стр. 88.

⁵¹ В противоположность односторонности «Quellenkritik» ср. H a h n, ук. соч., I, стр. 15—17.

⁵² ААМ, IV (Acta Isidori) С, II, 25 сл.: οὗκ εἰσὶν Ἀλεξανδρεῶσιν ὁμοιοπαθεῖς, πρόσω δὲ Ἀἰγυπτῶσιν ἴσοι? ὁμοῖοι?]. Ср., однако, J o s e p h u s, Contra Apionem. II, 68, 142, 144.

⁵³ Перечень литературы об «александрийском антисемитизме» см. T s c h e r i k o v e r — F u k s, Corpus Papyrologum Judaicorum, I, 55—93, II, 55—60. Главнейшие обобщающие труды: С. Я. Л у р ь е, Антисемитизм в древнем мире, М., 1929; Н. I. B e l l, Juden und Griechen im römischen Alexandria, «Beihefte zum Alten Orient», 9, 1926; I. H e i n e m a n n, RE, Suppl. V, s. v. Antisemitismus.

⁵⁴ Фрагменты см. FGH, III С, № 616 (Apion), 618 (Chairemon).

⁵⁵ A. F u k s, Aspects of the Jewish Revolt in A. D. 115—117, JRS, 1961, 98—104; V. A. T s c h e r i k o v e r, The Decline of the Jewish Diaspora in Egypt in the Roman Period, «Journal of Jewish Studies», 1963, стр. 1—32.

⁵⁶ На это указал Белл (Н. I. B e l l, The Acts of the Alexandrines, JJP, 1950, стр. 19—43).

⁵⁷ Ср. главным образом ААМ, IV А, III, 11 сл.; ААМ, IV В, I, 18 сл.; IV, С, II, 20 сл.; VIII, III, 41 сл.; IX passim.— Тексты, касающиеся евреев см. T s c h e r i k o v e r — F u k s, CPJ, II, стр. 55.

ненависть уже успокоилась, но действие ее приобая все еще хорошо чувствуется как в предвзятостях, выраженных в его оценках, так и в настроениях, которыми окрашены его повествования.

Наш историк и под влиянием изменившихся обстоятельств слишком выдержан, чтобы симпатизировать крайним злословиям и инвективам этой «подстрекательской литературы»⁵⁸, но все-таки у него прослеживается ее влияние. В данных случаях это надо тем более иметь в виду, поскольку одно из немногих биографических данных говорит о том (Arabiké, fr. 16), что во время еврейского восстания 115—116 гг. Аппиан был вынужден оставить Александрию и уехать через Пелусий в направлении Арабии Петреи; он не раз вспоминает о жестокостях той военной поры⁵⁹. Только поняв «александрийскую» антипатию нашего автора, можно уяснить направленность его некоторых умолчаний, специфических стилистических оборотов и своеобразной акцентировки сообщений. Обратим внимание лишь на один из примеров: Syr., 50, 252 (ср. Mithr. 106, 498) содержит в себе не одну ошибку: ἐν δὲ γένος ἔτι, τὸ Ἰουδαίων, ἐνιστάμενον ὁ Πομπήϊος ἐξείλε κατά κράτος... καὶ τὴν μερίστην πόλιν Ἱερουσόλυμα... κατέσκαψεν τὴν δὲ καὶ Πτολεμαῖος ὁ πρῶτος Αἰγύπτου βασιλεὺς καθήρηκε. Помпей не «полностью разгромил» (ἐξείλε κατά κράτος) евреев и не разрушил Иерусалим, а лишь срыл городские стены; Птолемей I тоже не разрушил Иерусалим, а только его захватил⁶⁰. Настолько же неточно и сообщение нашего автора (Mithr. 117, 578), когда он пишет, что во время триумфального шествия Помпей немедленно предал смертной казни из царей-пленников одного Аристубула, царя евреев (καὶ τούτων μόνος Ἀριστόβουλος εὐθὺς ἀνήρθη), тогда как Аристубул прожил в Риме еще 14 лет со времени триумфа (в 55 г. он сделал попытку восстановить свою власть, в 49 г. он входил в число сторонников Цезаря [Cass. Dio, XLI, 18,1] и был отравлен его противниками)⁶¹. Эти ошибки автора порождаются не простой неинформированностью, но отражают определенную и ясно выраженную тенденцию. Он всегда стремится представить политические столкновения Римской империи с еврейским населением, меропрятия Империи, направленные против его руководителей, более тяжелыми, чем они были действительно, и он всегда готов подыскать к более поздним событиям аналогии из прошлого. Часть этих ошибочных или искаженных данных Аппиан, вероятно, заимствовал из некоторых положений местной александрийской традиции (как, например, сообщение о том, что Птолемей I разрушил Иерусалим). По всей вероятности, тому же умонастроению следует приписать его особенное уважение к селевкидскому царю Антиоху IV Эпифану (Syr. 45, 234 и сл.): например, царские эпитеты, принятые Антиохом IV и его сыном Антиохом V (Эпифан и Евпатор), он изображает полученными от народа. Обнаруживается эта тенденциозность и в том, что автор умалчивает о некоторых неудачах Антиоха IV, о которых рассказывает хотя бы Полибий, а рассказ о событиях его вообще неудачного царствования историк завершает более или менее фиктивной удачей — захватом Армении⁶².

⁵⁸ W. Weber, Eine Gerichtsverhandlung vor Kaiser Traian, «Hermes», 1915, стр. 47—92.

⁵⁹ Ср. BC, II, 86, 362; 90, 380.

⁶⁰ Josephus, Contra Apionem, I, 209 на основании Агатархида Книдского; F. M. Abel, Histoire de la Palestine depuis la conquête d'Alexandre, P., 1952, стр. 31 260.

⁶¹ Abel, ук. соч., стр. 304; E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes³, I, стр. 300, прим. 28; стр. 342; ср. Josephus, Ant., XIV, 7, 4, § 123; BJ, I, 9, 1—2, № 183 сл.

⁶² Положительной оценке Антиоха способствовала и его популярность среди населения Александрии. Ср. J. W. Swain, Antiochos Epiphanes and Egypt, «Class. Phil.», 1944, стр. 73—94 главным образом на основании Liv., XLV, 11, 7—8 и Dio d., XXX, 14—16.

5. На основании изложенных выше наблюдений кажется, что Аппиан взирает и на Римскую империю, на ее завоевания и аппарат в определенной степени посторонним, критическим взглядом. Некоторые его высказывания, содержащиеся во введении к всему его труду, рисуют его, даже с точки зрения современного исследователя, убежденным поборником Римской империи; и все же его позиция не настолько прямолинейна, как это может думать поверхностный читатель и какой ее представляет буржуазное исследование. Мы не можем забыть об одном, брошенном вскользь (и тем самым имеющем более индивидуальный характер) его замечании, что для Египта римское завоевание было «крайним бедствием» (*ἔσχατον κακόν* — ВС, V, 1, 2).

Если сравнить Аппиана, во введении восхваляющего Рим, с самым признанным интерпретатором придворных взглядов II века — Элием Аристидом и с его энкомием, воспевающим Рим, то хорошо прослеживается перестановка акцентов. Если Аристид подчеркивает, в первую очередь, благодатность римского владычества (*ραχ* *Romana*) и преимущества последовавшего за ним экономического благосостояния, то у Аппиана преобладающими кажутся мотивы огромных владений Империи, ее власти, а также мотивы «обдуманности и удачи», содействовавших ее созданию. Но это у Аппиана не равноценно безусловному признанию правомерности римского завоевания. Анализ книг, разрабатывающих процесс и методы римского завоевания (в первую очередь *Συριακή, Λιβυκή, Ἰβηρικὴ, Μιθριδάτειος*) выявил своеобразное смешение и чередование позиций, занимаемых Аппианом, в отношении Рима⁶³. Однако если даже принять, что наш автор поочередно пользовался источниками, имеющими то одну, то другую направленность, то мы совершенно ясно замечаем в этом определенный порядок, который можно кратко сформулировать следующим образом: о событиях, предшествующих III Македонской войне, Аппиан говорит как друг Рима, но начиная от этого времени его рассказ ведется в основном с позиций противника Рима, точнее, теперь Аппиан пользуется источниками, имеющими именно такой характер.

Чрезвычайно характерна, например, сообщаемая в 57-й и следующих главах *Λιβυκή* фиктивная речь, в которой один из членов сената, между прочим друг Сципиона, в конце II Пунической войны с большим успехом выступает против якобы задуманного в то время разрушения Карфагена и приводит, в частности, такие аргументы, которые, начиная со времен Августа и Тиберия, играли роль в политической публицистике эпохи принципата, как и в образе мыслей самого Аппиана: например, «военная оккупация завоеванных территорий часто поглощает текущие налоги»⁶⁴ или «подлежащие основанию колонии впоследствии будут опасными конкурентами Рима»⁶⁵. Опубликование этой речи у нашего автора должно свидетельствовать о широте политики Рима в описываемые им времена (около 200 г. до н. э.) и тем самым заранее заклеить бесчеловечность и безумство все-таки произведенного в 146 г. до н. э. опустошения.

При описании событий от середины II в. до н. э. наш автор точно так же не скрывает неприязненного отношения к беззащитно развязываемым Римом в поддержку своих домогательств войнам и представляет с

⁶³ P. Meloni, Il valore storico e le fonti del libro Macedonico di Appiano, Roma, 1955, 246 сл.; G a b b a, Sul libro Siriaco di Appiano.

⁶⁴ App., Lib., 61, 269; ἀλλ' ἡ φυλάξουσα στρατιά τὴν πρόσοδον ἀναλώσει. Ср. S t r a b., II, 5, 8, с. 115; IV, 5, 3, с. 200.

⁶⁵ App., Lib., 61, 270: [ἀποικιοὶ]... εἰς τὸ μέλλον ἡμῶν ἔσονται φοβεροὶ καὶ ἐπιφθονοί. Ср. V e l l. P a t., II, 7, 7, опять-таки в отношении Карфагена. О принципиальной оппозиции завоеванию в эпоху принципата см. A. M ó c s y, Die Expansionsfrage im I. und II. Jh. und die Ertragsfähigkeit der Provinzen, «Annales Universitatis Budapestinensis», Sectio Hist., V, 1963, стр. 3—13.

достаточно открытой симпатией всех выдающихся представителей сопротивления Риму, а также жертв римского завоевания: испанца Вириата ⁶⁶, македонян Персея и Андриска ⁶⁷, поздних Селевкидов ⁶⁸ и даже Митридата, которого мелочная политика Рима вовлекла в развязывание войны ⁶⁹.

Если это отрицательное отношение к безжалостным и насильственным, не отказывающимся даже от вероломства методам завоевательной политики того времени еще и согласуется с мнением ряда писателей и «публицистов» эпохи Адриана и при этом не расходится, например, с некоторыми воззрениями Флора ⁷⁰, то все-таки поразительно, с какой безжалостной пронизательностью отмечает Аппиан устремления римской политики, направленной в первую очередь на ослабление эллинистических государств, и как последовательно он возлагает на сенат ответственность за войну против Митридата. По-видимому, недостаточно объяснять все эти отрицательные, с точки зрения Рима, оценки лишь тем, что при написании своего труда Аппиан использовал один или несколько враждебных Риму источников. Нам, по крайней мере, следует признать (не рассматривая здесь общего вопроса об отношении Аппиана к Римской империи), что, описывая события, имевшие место после 170 г. до н. э., наш автор с поразительной последовательностью опирается на такой источник или такие источники, которые осуждают тогдашнюю политику Рима, направленную против эллинистических государств и варварских народов.

Если правильна та уже много раз выдвигавшаяся гипотеза, согласно которой этот источник следует усматривать в сочинении александрийца Тимагена ⁷¹, то все это подтверждает, что александрийское происхождение и вытекающее из него общественное положение нашего автора оказало воздействие на его взгляды на историю Рима и повлияло как на его выбор источников, так и на их использование.

Может быть эта позиция автора способствовала и тому, что Аппиан рассматривал всю историю Рима до некоторой степени «извне», с точки зрения любопытного и критичного постороннего. Поэтому он смог гораздо решительнее всех других античных историков обратиться против тенденций идеализации римской истории и римского общества. Поэтому он смог безжалостно докопаться до «материальных основ», скрывающихся в глубине, под поверхностью явлений ⁷².

APPIAN AND ALEXANDRIA

by *István Hahn*

The author poses the question as to the extent to which Appian's Alexandrian origin influenced his general views on the Roman empire and leading figures in Roman history. Analysis of certain of Appian's sayings which characterise his attitude in this respect shows that his social and historical views correspond broadly with the views of the local Hellenistic Alexandrian aristocracy and intelligentsia, as these are known to us from the so-called *Acta Alexandrinorum martyrum*. Appian's accounts of the sojourns of Caesar

⁶⁶ *Hisp.*, 61, 259; 69, 294 сл.; 74, 311 сл.; 75, 317 сл.

⁶⁷ *Meloni*, ук. соч., стр. 119 сл.; главным образом на основании *App.*, *Mas.*, frg. 11.

⁶⁸ В отношении симпатии нашего автора к Селевкидам см.: *Gabba*, *Sul libro Siriacò di Appiano*, прим. 27 (главным образом на основании интерпретации *Syr.*, 38, 196 сл., 43, 224 сл.).

⁶⁹ *App.*, *Mithr.*, 10, 31; 11, 34 сл., 12, 38; 14, 48; 15, 50; 16, 55 и, обобщая, 121, 598—600.

⁷⁰ Их обобщил В. ден Бур (*W. den Boer*, ук. соч.).

⁷¹ *Gabba*, ук. соч., стр. 350 сл.

⁷² К. Марк в своем письме, см. прим. 1.

(*BC* II, 89, 376) and Antony in Alexandria (*BC* V, 11, 43) and Athens (*BC* V, 76, 322) reveal that, in line with Alexandrian propaganda and in opposition to the «Augustan» version of the frivolity and debauchery of the Alexandrians, our author deliberately altered the material in his sources, in particular in Plutarch.

Other noticeable peculiarities of Appian's outlook, which also accord with the general tendency of *AAM*, are his open sympathy for Cleopatra and Antony and his antipathy towards Octavian; his concealed dislike of the Jews, and his biting criticism of Rome's policy of conquest, particularly in relation to the Hellenistic states from 180 B. C. on Appian's judgments on these matters are partly drawn from the writings of Timagenes of Alexandria, one of Appian's principal sources (except for his books on the Civil Wars)

In sum the author concludes that Appian was not an empty compiler who merely made excerpts from the various and often mutually contradictory sources at his command, but a writer with his own individual point of view, influenced by his social position, and with his own sympathies and antipathies. The personal views of Appian affected both his choice of sources and the way he used them.
